

СЕМАНТИКА ДИАЛЕКТНЫХ ФРАЗЕМ: ТРАДИЦИИ АНАЛИЗА И СПЕЦИФИКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ¹

Е. В. Брысина

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет
(г. Волгоград, Россия)*

Аннотация. Общепринятые фразеологизмы и фразеологические единицы литературного языка отличаются от локально ограниченных фразем прежде всего спецификой своих образов, характером их оценочности, эмотивности и культурной составляющей семантики. Эти компоненты невозможно отделить один от другого: фразеологический образ ни при каких обстоятельствах не может быть оценочно и эмотивно нейтральным, так как появление образа как мыслительной категории неизбежно рождает чувство-отношение к нему, его оценку с позиций как коллективного бессознательного, так и субъективного начала – личностного отношения творящего субъекта. В полной мере семантика фразеологизмов раскрывается в ходе интерпретационного анализа, алгоритм которого универсален для большинства фразеологических единиц, однако экспрессивность диалектных фразем, основанная на их образности, оценочности и эмотивности будет по-разному реализовываться в диалектной среде и среде носителей литературного языка. Это обусловлено несколькими причинами: с одной стороны, диалектная фразема воспринимается носителями литературного языка как новая, необычная, чрезвычайно выразительная, созданная на базе «неожиданного» образа, поэтому эффективно воздействующая на воображение; с другой стороны, яркость оценочности и образности диалектной фраземы может быть не вполне понятной носителю городской культуры (в том числе, и языковой), так как диалектный образ может быть тесно связан с реалиями сельской жизни, малознакомой городскому жителю и, кроме того, может апеллировать к фактам локальной истории и (или) культуры. Все это требует особой организации интерпретационного анализа диалектного фразеологизма.

Ключевые слова: фразеологическая единица, семантика, образность, оценочность, эмотивность, диалект, диалектная фразема, интерпретационный анализ.

SEMANTICS OF DIALECT PHRASEMES: TRADITIONS OF ANALYSIS AND PECULIARITIES OF INTERPRETATION

E. V. Brysina

*Volgograd State Socio-Pedagogical University
(Volgograd, Russia)*

Abstract. National phraseological units and phraseological units of a literary language differ from locally limited phrasemes primarily by the specifics of their images, the nature of their evaluativeness, emotivity, and the cultural component of semantics. These components cannot be separated from each other: under no circumstances can a phraseological image be evaluatively and emotively neutral, since the appearance of an image as a mental category inevitably gives rise to a feeling-attitude to it, its assessment from the positions of both the collective unconscious and the subjective principle – the personal attitude of the creative subject. The interpretative analysis reveals the full semantics of phraseological units. The algorithm of the analysis is universal for most phraseological units, but the expressiveness of dialect phrasemes, based on their imagery, evaluativeness and emotivity, will be implemented differently in the dialect environment and among native speakers of the literary language. This is due to several reasons: on the one hand, native speakers of the literary language perceive the dialect phraseme as new, unusual, extremely expressive, created on the basis of an "unexpected" image,

so it effectively affects the imagination. On the other hand, the brightness of the evaluation and imagery of the dialect phraseme may not be completely understandable to the bearer of urban culture (including language), since the dialect image may be closely related to the realities of rural life, unfamiliar to the urban resident and, in addition, may appeal to the facts of local history and (or) culture. All this requires a special organization of the interpretative analysis of dialect phraseology.

Keywords: phraseological unit, semantics, imagery, evaluativeness, emotivity, dialect, dialect phraseme, interpretative analysis.

Введение

Во многих работах ученых, стоявших у истоков теории фразеологии и практики интерпретационного анализа русских фразеологических единиц, отмечается основное свойство фразеологических единиц в отличие, скажем, от слова – это особые свойства семантики фразем, отличающиеся от семантической структуры лексемы. Коннотативный макрокомпонент фразеологического значения – обязательная составляющая фразеологической семантики, при этом структура данного макрокомпонента относительно подвижна и может включать в себя разное соотношение базовых микрокомпонентов – образности, оценочности, эмотивности, квантитативности, сем культурного содержания и др.

В. И. Зимин в одной из своих работ настаивает на том, что организующим элементом фразеологической семантики является образность фраземы. С этим трудно не согласиться. Ученый аргументирует свое мнение тем, что образ в семантике и функционировании фразеологизма мотивирует его реальное значение, «возбуждает» оценку и эмотивность значения фразеологизма, является носителем культурной коннотации фразеологизма. «Абсолютное большинство фразеологизмов в период своего становления представляет собой образ, организующий значение фразеологизма – считает ученый. – Иными словами, образ фразеологизма – это образная внутренняя форма, в ономаσιологическом аспекте его можно рассматривать как самый основополагающий компонент семантики фразеологизма. Можно думать, что без образа, т.е. без внутренней формы, нет значения фразеологизма, как нет и самого фразеологизма [7, с. 49]. А. Р. Обдуллаев поддерживает это мнение, считая, что «фразеологические единицы не могут успешно выполнять свою коммуникативную функцию при утрате внутренней формы, так как между внутренней формой, значением и функционированием фразеологизма наблюдается тесная связь, когда одно явление не может существовать без другого» [13, с. 29].

Интересно заметить, что общенародные фразеологизмы и ФЕ литературного языка отличаются от локально ограниченных фразем (просторечных, жаргонных, диалектных) именно спецификой своих образов, характером их оценочности, эмотивности и культурной составляющей семантики. Цель нашего исследования – показать эту специфику образности локально распространенных единиц и особенности ее воздействия на участников коммуникации.

В ходе рассмотрения диалектного фразеологического материала нами использовался когнитивный **метод** интерпретационного анализа, предполагающий применение таких частных методов и приемов, как этимологизация образа, лингвокультурологический комментарий диалектных фразем, этнолингвистические характеристики образа.

Анализ

Диалектный фразеологический материал неоднороден как по составу, так и по образности входящих в него единиц. Каждая фразема может быть интерпретирована как несущая в себе определенный этнолингвокультурологический потенциал. Так, к примеру, донская диалектная фразема *попасть под советскую власть*² – оказаться в крайне затруднительном, безвыходном положении этимологически опирается на события тридцатых годов прошлого века – трагического периода «рассказывания»

казачества как военно-социального сословия, выселения с обжитых мест, как правило, в Сибирь, за Урал. Таким жестким и не всегда справедливым было наказание казаков Советской властью за участие в гражданской войне и вооруженных мятежах. Память о тех событиях до сих пор болью отзывается в сердцах казаков. В выражении *попасть под Советскую власть* и поныне сохраняется отрицательная оценочность: «попасть под Советскую власть» – испытать потрясения, лишения и утраты, пережить трагические события – и «это плохо». Понятно, какие чувства и эмоции может испытывать человек в этих обстоятельствах – боль, страдание, разочарование, угнетенность. Данный пример наглядно демонстрирует роль образа в формировании и функционировании диалектной фраземы. Кроме того, соответствующий интерпретационный анализ фраземы обнажает культурный фон тех трагических событий.

Другая фразема – *запирать ворота пирогами* – о полной достатка, беззаботной жизни – содержит образ, относящийся к иной области жизнедеятельности. Понять этот образ несложно, если хорошо представлять себе полуголодное существование в определенный период жизни основных слоев казачества, когда большинство из них *жили в одном кресте* (т.е. крайне бедно, когда нательный крест нечем было прикрыть), а пища бедняка характеризовалась как *ни пойка ни едка* (непонятно из чего приготовленная похлёбка). И если себе представить, что в этот период *горестного житья* кто-то страдает от избытка пищи до такой степени, что пироги не поедаются и ими уже и ворота запирают, таким людям завидуют, но и осуждают их за чрезмерность, несдержанность, излишества.

Однозначно соглашаясь с мнением В. И. Зимина о значимости фразеологического образа, хотим уточнить все-таки некоторые детали его концепции. Выделяя в семантической структуре фраземы микроэлементы коннотации – образность, оценочность, эмотивность и рассматривая их как некоторую иерархическую систему (образ «возбуждает» оценочность и эмотивность фразеологической единицы, согласно позиции В. И. Зимина), следует рассматривать эту процедуру, на наш взгляд, лишь как инструмент лингвистического анализа, потому что само формирование образа фраземы автоматически предполагает наличие «сопровождающих» его оценочности и вместе с ней эмотивности. Как представляется, эти компоненты невозможно отделить один от другого: фразеологический образ ни при каких обстоятельствах не может быть оценочно и эмотивно нейтральным (если, конечно, не включать в понятие *фразеологизма* всю совокупность устойчивых сочетаний слов, вплоть до грамматических конструкций); появление образа как мыслительной категории неизбежно рождает чувство-отношение к нему, его оценку с позиций как коллективного бессознательного, так и субъективного начала – личностного отношения творящего субъекта. Иными словами, если признать образность ФЕ ее определяющим свойством (в чем нет сомнений), тогда равнозначными характеристиками следует признать и оценочность и эмотивность фраземы.

При рассмотрении диалектных фразем алгоритм семантического анализа аналогичен анализу фразеологических единиц литературного языка, однако следует обратить внимание на важную деталь: яркость и неповторимость образа, представленного в диалектной единице, будет по-разному проявляться в восприятии диалектоносителя и говорящего на литературном языке. Локальная ограниченность диалекта приводит к некоторой «коммуникативной замкнутости» людей, проживающих на данной территории. Это проявляется в том, что большинство сельских жителей используют диалектные слова и выражения, как правило, только в бытовом общении «со своими» и воспринимают их как элементы повседневной речи – хорошо знакомые, привычные, не вызывающие никаких дополнительных смыслов. В официальном общении диалектоносители свободно (или почти свободно) переходят на разговорную литературную речь. Для носителей же литературного языка каждая диалектная единица нова, неповторима, выразительна, а образ, положенный в основу

диалектной фраземы, часто является настоящим открытием, сравните: *ходить бело-рыбницей* – двигаться медленно, с достоинством, гордо; *коситься как мышь на крупу* – завидовать тихо, исподтишка; *ни пены ни пузырей* – об отсутствии результата в каком-л. деле; *не на чай ходить, не пряники перебирать* – о каком-л. сложном деле; *собачья сбеглижь* – о компании нехороших людей, хулиганов; *ломаться как аржаной пряник* – зазнаваться, привередничать, капризничать; *нельзя почесать корявой палкой (терновой веткой)* кого-л. – кто-л. неприступен, не в меру горд, капризен; *коситься сентябрём* – смотреть на кого-л сурово, с недоверием и мн. др.

Нередко при образовании диалектного фразеологизма как семантический прием создания образа используется алогизм, что, конечно является достаточно представленным и в литературном языке. Однако, как нами уже отмечалось, для диалектоносителей характерна более выраженная конкретизация мышления, поэтому и образы, положенные в основу фразем, отличаются некоторой новизной, «неизбитостью», «привязанностью» к конкретному поступку, действию, состоянию. К примеру, диалектная ФЕ *показывать дули воробьям* имеет значение «бездельничать, заниматься бесполезным, бестолковым делом». Внутренняя форма данной фраземы открывает перед собеседником всю абсурдность данного действия и тем самым выносит однозначную оценку совершаемому поступку, вызывая не просто осуждение, но и возмущение, отторжение, неприязнь. Аналогичны по структуре и содержанию, а, собственно, и по эффективности воздействия образа диалектные фразеологизмы *ловить мух ноздрями; на собаках шерсть бить, косить сено собакам, дразнить лягушек, сбивать сучки на грушах, околачивать китушки (китушки (кытушки))* – небольшие круглые плодики – семенные коробочки, образующиеся на кустах картофеля после его цветения и под.

В очередной раз хочется обратить внимание на такое широко представленной в диалектах явление, как детализация характеристик описываемого явления, признака, действия. В отличие от литературного языка в диалекте абсолютное большинство поговорок и фразеологических единиц образует развернутый многочисленный (осторожно не называем его синонимическим) ряд семантически близких единиц, каждый элемент которого характеризует рассматриваемое явление, признак, свойство с новой стороны, детализируя описание, представляя его по-новому, порою в неожиданном ракурсе, ср. поговорки и фразеологизмы о ленивом человеке: *волка в огороде завелись* (у кого-л.); *посадила, полила и боле не была*; (кто-л.) *за всю жизнь кизека не слепил*; (кто-л.) *не поднял с земли тонкую сенину; ни курочки ни овечки – полёживай на печке; лежать как сом на икре* – неподвижно, ничего не делать; *двигаться как лить по дну* – делать что-либо медленно, лениво; (кто-л.) *и мышей не ловит; ни ногами ни руками; пальцем не ворохнуть* и др. Или другой пример: робкий человек характеризуется в диалекте таким рядом устойчивых сочетаний слов: *боятся тележного скрипу; сидеть как мышь за веником, (такого) куры загребнут; жаба на языке испекётся* (у кого-л) и др.

Отмечая яркость и неповторимость образности диалектных фразем для носителей литературного языка, следует сказать и еще об одной, возможно, противоположной особенности интерпретации диалектного образа. Поскольку место обитания диалектоносителей, это, как правило, сельская среда, то чаще всего и в основу диалектных фразем будут положены привычные сельские образы, не все из которых могут быть легко интерпретируемы жителями городских территорий. Понятно, что яркость и эффективность воздействия таких образов на носителя литературного языка будет стертой. Неслучайно, и В. И. Зимин в свое время отмечал, что без образа нет и фразеологизма. Стертая образность лишает фразеологизм и определенной оценочности, и эмотивности. Так, к примеру, диалектный фразеологизм *ходить как за стельной коровой* – чрезмерно опекать, ухаживать, буквально глаз не сводить с кого-л. – будет иметь большую воздействующую силу только на человека, который знаком с особенностями хозяйственной жизни сельчанина. В каждой сельской семье корова

– чуть ли не первая кормилица, позволяющая и деток вырастить, и взрослых накормить, да и молочные запасы сделать (*ирьян*, творог, например, или *стечное молоко*, *каймак* и др.). Поэтому хозяйева, ожидая очередного отёла коровы, глаз с нее не спускают, дополнительно ухаживают за ней, оберегают, подкармливают и т.п. Такое внимание является исключительным и относится только к некоторым животным в конкретный период их жизни. Однако подобное отношение можно наблюдать и среди людей – тогда это вызывает определённые ассоциации и ироничное отношение к данной ситуации. Подобное можно отметить в диалектной фразе *бить на «гэ»* – произносить взрывной звук [г] вместо привычного для казаков, жителей южнорусских территорий, фрикативного, подстраиваясь под речь городских жителей; для носителя литературного языка, не знакомого с фонетическими особенностями южнорусских говоров, использование в диалектной среде взрывного («городского») звука может быть ошибочно интерпретировано как стремление улучшить свою речь, сделать ее более грамотной, приближенной к литературному языку. В этом случае и оценочность фраземы, и ее эмотивность будут восприняты как позитивные. На самом же деле, все наоборот: попытка местного жителя в разговоре с односельчанами в чем-то изменить свою речь, подчеркнуть ее соответствие литературной норме воспринимается носителями говоров как преднамеренное стремление выделиться из «необразованной» среды, подчеркнуть свое отличие от других, противопоставить себя окружающим, подчеркивая свою «образованность». Такое поведение осуждается коллективом, вызывает отрицательную оценку и чувство неудовольствия, коллективного протеста. Фразема *бредить на молодой месяц (на воду, на пень)* – поднимать шум, гвалт, ругать кого-либо, не имея на то никаких оснований – также может восприниматься носителями литературного языка как не вполне выразительная, поскольку мотивация образа данной единицы напрямую связана с условиями жизни диалектоносителей: собаку в деревне, как правило, заводят из практических потребностей, прежде всего как сторожа, охранника, который своим лаем должен предупреждать хозяина о приближающейся опасности (о приближении «чужих»). При этом если пёс бестолковый и не может отличить «своих» от «чужих», он лает, не замолкая, на все подряд, понапрасну беспокоя хозяина. Такое поведение «домашнего сторожа» недопустимо и вызывает возмущение, негодование хозяина, равно, как и люди, беспричинно устраивающие сплетни, шум, скандал. К иной (сакральной) сфере отсылает нас образ фраземы *нужен (кто-л.) как варешка в Петров день* – не нужен ни при каких обстоятельствах – так же, как не нужны варешки в жаркий июльский день (12 июля – день святых Петра и Павла). Образность данной фраземы может быть до некоторой степени затемнена, если слушающий не может сразу соотнести фиксируемый во фразеологической единице факт и религиозную дату. Эффектность образности данной фраземы основана на абсурдности ситуации, представленной в первичной порождающей модели. Диалектная фразеологическая единица *завести как бондарский конь под обручами* – долго и нудно повторять одно и то же – также требует от собеседника дополнительного знания о том, что за профессия такая – *бондарь*, чем бондари занимаются, какую роль в бондарском деле играет конь, под какими обручами, какое время и зачем он ходит. Без этих знаний образность фраземы не раскроется и ее значение останется недопонятым.

Столь же «закрытыми» могут выступать образы диалектных фразем, включающих в свой состав собственно лексические диалектизмы, ср.: *слетаться как сороки на махан* – о сплетниках (где *махан* – кусок тухлого мяса, отходы); *быть у бабушки на каньшах* – получать от жизни удовольствие, жить в достатке, испытывать к себе внимание и заботу (*каньши* – выпечное сдобное изделие); *три бабайки в гору* – о длинном, высоком человеке (*бабайка* – весло); *жить бирюком* – быть одиноким, замкнутым, нелюдимым (*бирюк* – старый одинокий волк); *отобрать у старца кижь* –

поступить жестоко, отнять надежду, лишить последнего (*киёк* – палка, трость, на которую опирается идущий, обычно старый больной человек); *найти в сербучке* – о незаконнорожденном ребенке (*сербучка* – крапива) и др.

Так же, как в литературном языке, в диалекте при анализе фразеологического материала чрезвычайно важными оказываются пресуппозиционные знания. Даже, как нам представляется, для анализа диалектного фразеологизма они более значимы, так как нередко являют собой интерпретационный фон, связанный с особенностями **локальной** культуры, истории, месторасположения и пр. Так, к примеру, человеку, не знакомому с историей формирования казачества, сложно будет интерпретировать фразеологический образ в выражении *жить как казак с татаринном*. В этом случае фразема имеет значение «находиться в состоянии вражды, соперничества, постоянных ссор и столкновений». Образ отсылает нас к событиям XVI – XVII веков, когда на волго-донских просторах Дикого поля первые ватаги казаков постоянно сталкивались с другими кочевыми обитателями Дикого поля – калмыками, казахами, остатками хазарских племен, но чаще всего с татарскими племенами, потомками монголо-татар, когда-то проживавшими в этих местах на территории хазаната. Вооруженные столкновения с татарскими воинами служили казакам источником добычи, как, собственно, и наоборот. Другая фразема *жить как хохол на отживе* «жить отрешенно, быть безразличным ко всему происходящему как временно проживающий на данной территории» по времени образования более поздняя и характеризует отношения казаков с «союзниками» – этническими украинцами, которые нередко присоединялись к казачьим отрядам для совместных походов против недругов. Бывало, украинские казаки оставались на какое-то время в донских хуторах и станицах в ожидании таких походов, при этом они не вмешивались в текущие дела донских казаков, оставались безучастными ко всему происходящему. Эти пресуппозиционные знания, связанные с историей формирования казачества, и являются мотивационной основой данных диалектных образов. Донская поговорка *не рассказывай казаку азовские вести* в значении «не говори того, о чем слушающий знает из собственного опыта, не понаслышке» также отсылает нас к военному конфликту – войне с азовскими турками, в которой казаки были «главной ударной силой».

Заключение

Исследуемый диалектный материал наглядно демонстрирует общепризнанное положение о роли образности, оценочности и эмотивности в развертывании экспрессивных характеристик фразеологической единицы. Номинация предметов и явлений окружающего мира – безусловная задача лексикологии. Фраземика же представляет познание с иных позиций, оценивает его, дает ему квалификативную характеристику. Донские диалектные фразеологизмы своими образными оценочно-эмотивными характеристиками охватывают практически все сферы жизнедеятельности казаков, переосмысливая привычные образы, наделяя их метафоричностью, что свидетельствует о богатстве языкового мышления народа, его способности устанавливать многомерные ассоциативные связи между предметами, явлениями, признаками и состояниями: военную (*не нашего сукна епанча* – о ком-то (чем-то) чужом, не соответствующем принятым нормам; *одна чашка-ложка* – первоначально – о сослуживцах, затем – о единомышленниках, товарищах, верных друзьях; *от нашего полку мало толку* – о неудачной совместной деятельности); интеллектуальную (*дурак по самое некуда* – глупый, безрассудный человек; *Ванька дома, Сеньки нет* – об умственно неполноценном человеке; *куфилка не варит* – о несообразительном человеке); хозяйственную (*за чужой стеной затишек пахать* – поступать хитро и нечестно, выполнять легкую работу за счет других; *некогда поискаться* – о постоянной заботе, о множестве хлопот; *отстать от рук и ног* – сильно устать, работать до изнеможения); межличностные отношения (*мамушкин лизунчик* – как правило, о ребенке: любимчик, ласковое нежное дитя; *завернуть салазки* – наказать, побить кого-л.; *не*

выпускать из колеи – держать в подчинении, не позволять проявлять свою волю; *сакральную (жить в лесу – пенькам богу молиться* – о темном, необразованном человеке; *ни Богу свечка ни черту кочерга* – о несостоятельном, беспечном, неудачливом человеке; *бубнить как дьякон на амвоне* – о плохой, невнятной речи; *узнал попа в рясе* – о недостоверных сведениях; *жить как у Христа за пазухой* – ни в чем не нуждаться, жить в достатке и удовольствии); связанную с характером человека, его привычками, внешностью, поведением (*с бусорью кто-л.* – о взбалмошном, неуравновешенном человеке; *мигать лытками* – вести себя непристойно, привлекать к себе внимание; *выбиться из колеи* – плохо вести себя, потерять над собой контроль; *что поставь что положи* – о невысоком толстом человеке и мн. др.

Говоря о диалектной фраземике в целом, ее неповторимой образности, яркой оценочности, детализированной эмотивности, следует сказать в заключении, что оригинальность народной мысли, уникальная способность простого народа, сельского жителя, по-своему видеть и квалифицировать окружающий его мир, раскрашивает наш русский национальный язык уникальными единицами – лингвистическими квантами, позволяющими в деталях представить мир, в котором мы живем.

Примечания

1. Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект 19–412–340004 «Духовная культура казачества как поликультурная толерантная среда: язык и образы».
2. Все примеры диалектных фразем взяты из Словаря донских говоров Волгоградской области (Волгоград, 2011) и материалов диалектологических экспедиций по казачьим районам Волгоградской и Ростовской областей.

Список источников и литературы

1. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Принципы семантического описания фразеологии // *Вопросы языкознания*. 2009. № 6. С. 21–34.
2. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. *Русская фразеология: историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель-АСТ Люкс, 2005. 700 с.*
3. Брысина Е. В. Диалектное слово в этнокультурном пространстве // *Слово и значение во времени и пространстве: динамические процессы*. Волгоград: Перемена, 2012. С. 78–85.
4. Брысина Е. В. *Этнокультурная идиоматика донского казачества*. Волгоград: Перемена, 2003. 387 с.
5. Демидова К. И. *Диалектная картина мира*. Екатеринбург, 2003. 78 с.
6. Закуткина Н. А. *Феномен диалектной картины мира в немецкой философии языка XX века : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Закуткина Надежда Алексеевна*. М., 2001. 157 с.
7. Зимин В. И. Основные роли образа в семантической структуре фразеологизма // *Современная фразеология: тенденции и инновации*. М.: Новый проект, 2016. С. 32–51.
8. Зимин В. И. *Проблема верификации гипотез происхождения фразеологизмов // Фразеология вчера, сегодня, завтра : межвуз. сб. науч. тр. в честь 70-летия д-ра филол. наук, проф. В. Т. Бондаренко*. Тула, 2011. С. 17–23.
9. Ивин А. А. *Основания логики оценок*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 230 с.

10. Кунин А. В. Механизм окказиональной фразеологической номинации и проблема оценки // Вопросы фразеологии : сб. тр. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Горького. М., 1980. Вып. 168. С. 158–185.
11. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). Новосибирск: Наука, 1986. 228 с.
12. Маслова В. А. Параметры экспрессивности текста // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 38–43.
13. Обдуллаев А. Р. Фразеология: внутренняя форма единиц. Ургенч, 1996. 96 с.
14. Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. Р. И. Кудряшовой. 2-е изд., испр. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. 704 с.
15. Телия В. Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке. Механизмы создания языковой экспрессивности / Ин-т языкознания; отв. ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1991. С. 36–67.
16. Федоров А. И. Сибирская диалектная фразеология. Новосибирск: Наука, 1980. 89 с.
17. Федуленкова Т. Н. Генетический прототип – основа национально-культурной специфики фразеологических единиц // Россия и Запад: диалог культур. 1997. Вып. 4. С. 81–88.
18. Федуленкова Т. Н. Лингвокультурологический метод в фразеологии М. Л. Ковшовой: индекс инновации // Европейский журнал социальных наук. 2014. № 4-2. С. 178–182.

References

1. Baranov A. N., Dobrovolsky D. O. Printsipy semanticheskogo opisaniya frazeologii [The principles of the semantic description of phraseology]. *Voprosy yazykoznanija [Topics in the study of language]*. Issue 6. 2009. Pp. 21–34. [In Russian].
2. Birih A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. *Russkaya frazeologiya: istoriko-etimologicheskii slovar'* [Dictionary of Russian phraseology. Historical and etymological reference]. Ed. by V. M. Mokienko 2005. 700 p. [In Russian].
3. Brysina E. V. Dialektnoye slovo v etnokul'turnom prostranstve [Dialect word in ethnocultural space]. *Slovo i znachenie vo vremeni i prostranstve: dinamicheskie process [Word and meaning in time and space: dynamic processes]*. Volgograd: Peremena publ., 2012. Pp. 78–85. [In Russian].
4. Brysina E. V. *Etnokul'turnaya idiomatika donskogo kazachestva [Ethnocultural Idioms of the Don Cossacks]*. Volgograd: Peremena publ., 387 p. 2003 [In Russian].
5. Demidova K. I. *Dialektnaya kartina mira [Dialect language picture of the world]*. Ekaterinburg, 2003. 78 p. [In Russian].
6. Zakutkina N. A. *Fenomen dialektnoy kartiny mira v nemetskoj filosofii yazyka XX veka [The phenomenon of the dialect picture of the world in the German philosophy of language of 20th century]*. Diss. ... kand. filol. nauk [Thes. ... Cand. Philol. Sciences]: 10.02.19. Zakutkina Nadezhda Alekseyevna. Moscow, 2001. 197 p. [In Russian].
7. Zimin V. I. Osnovnyye roli obraza v semanticheskoy strukture frazeologizma [The main roles of the image in the semantic structure of phraseology]. *Sovremennaya frazeologiya: tendentsii i innovatsii [Modern phraseology: trends and innovations]*. Moscow: Novyy proyekt publ., 2016. Pp. 32–51. [In Russian].

8. Zimin V. I. Problema verifikatsii gipotez proiskhozhdeniya frazeologizmov [The main roles of the image in the semantic structure of phraseology]. *Frazeologiya vchera, segodnya, zavtra : mezhvuz. sb. nauch. tr. v chest' 70-letiya d-ra filol. nauk, prof. V. T. Bondarenko* [Phraseology yesterday, today, tomorrow: interuniversity collection of scientific papers in honor of the 70th anniversary of Doctor of Philology, Professor V. T. Bondarenko]. Tula, 2011. Pp. 17–23. [In Russian].
9. Ivin A. A. *Osnovaniya logiki otsenok* [The basis of the evaluation logic]. Moscow: Izdvo Moskovskogo un-ta publ., 1970. 230 p. [In Russian].
10. Kunin A. B. Mekhanizm okkazional'noy frazeologicheskoy nominatsii i problema otsenki [The mechanism of occasional phraseological nomination and the problem of evaluation]. *Voprosy frazeologii: sb. tr.* [Questions of phraseology: collection of works]. Moscow: Mosk. gos. ped. in-t inostr. yaz. im. M. Toreza publ., Issue 168. 1980. Pp. 158–185. [In Russian].
11. Luk'yanova N. A. *Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya (problemy semantiki)* [Expressive vocabulary of colloquial use (issues of semantics)]. Novosibirsk: Nauka publ., 1986. 228 p. [In Russian].
12. Maslova V. A. Parametry ekspressivnosti teksta [Expressive vocabulary of colloquial use (problems of semantics)]. *Chelovecheskiy faktor v yazyke. Yazykovyye mekhanizmy ekspressivnosti* [The human factor in the language. Language mechanisms of expressivity]. Moscow, 1991. Pp. 38–43. [In Russian].
13. Obdullaev A. R. *Frazeologiya: vnutrennyaya forma yedinit* [Phraseology: the internal form of units]. Urgench, 96 p.
14. *Slovar' donskikh govorov Volgogradskoy oblasti* [Dictionary of the Don dialects of the Volgograd region]. Edited by R. I. Kudryashova. 2nd edition, rev. and aug. Volgograd: Izdatel' publ., 2011. 704 p. [In Russian].
15. Teliya V. N. Mekhanizmy ekspressivnoy okraski yazykovykh yedinit [Mechanisms of expressive coloring of language units]. *Chelovecheskiy faktor v yazyke. Mekhanizmy sozdaniya yazykovoy ekspressivnosti* [The human factor in the language. Language mechanisms of expressivity]. In-t yazykoznaneya; executive editor V. N. Telia. Moscow: Nauka publ., 1991. Pp. 36–67. [In Russian].
16. Fedorov A. I. *Sibirskaya dialektnaya frazeologiya* [Siberian dialect phraseology]. Novosibirsk, 1980. 89 p. [In Russian].
17. Fedulenkova T. N. Geneticheskiy prototip – osnova natsional'no-kul'turnoy spetsifiki frazeologicheskikh yedinit [The genetic prototype is the basis of the national-cultural specificity of phraseological units]. *Rossiya i Zapad: dialog kul'tur*. Moscow: MGU publ., Issue 4, 1997. Pp. 81–88. [In Russian].
18. Fedulenkova T. N. Lingvokul'turologicheskiy metod v frazeologii M. L. Kovshovoy: indeks innovatsii [Linguoculturological method in M. L. Kovshova's phraseology: innovation index]. *Yevropeyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk* [European Social Science Journal]. Issue 4 (43). Vol. 2. 2014. Pp. 178–182. [In Russian].

Дата поступления статьи: 20.04.2021
Дата решения о публикации: 21.06.2021

Date of receipt of article: 20.04.2021
Date of publication decision: 21.06.2021

Сведения об авторе

Брысина Евгения Валентиновна,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка и
методики его преподавания, директор
Института русского языка и словесности
ФГБОУ ВО «Волгоградский
государственный социально-
педагогический университет»
(e-mail: filolog@vspu.ru).

Information about the Author

Brygina Evgeniya Valentinovna,
Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Department of Russian
Language and Methods of Teaching,
Head of the Institute of Russian
Language and Literature,
Volgograd State Socio-Pedagogical University
(e-mail: filolog@vspu.ru).